

Кузбасс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС,
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Год издания 39-й
№ 14 (9842)

Воскресенье, 17 января 1960 г.

Цена 20 коп.

Рассказы наших читателей

ПТАШКА

Нру Пермякову звали Пташкой. Она не помнила, кто и когда ее так назвал, но провинно осталось за ней прочно.

...Вставать Пташке приходилось очень рано. Вот и сейчас: в вагончике все спит безмятежно, а она на ногах.

За горизонтом затаскает рассвет. Она выходит из вагончика, забюбонивает плечами и часто-часто моргает длинными ресницами. Берет большое ведро и, завалив дужкой, легко спускается к колодезю ручью с прозрачной утренней водой. Расплескив свое отражение в ручье, она с полным ведром возвращается к вагончику.

Любит Пташка ранним утром разводить костер, а потом смотреть, как пламя облизывает ветки, надвигает сизку. Немного спустя начинает сердито отшучивать котел, выпущенной из-под дровяной, выскобленной дробез крышки струи пара, похожие на пушистые узы бригадира Ивана Терентьевича. К нему, бригадиру, девушка питает особую неприязнь. Еще весной он заявил, что скоро ей дадут помощника. Но вот уже и уборка наступила, а она по-прежнему одна.

Равно кого интересуют ее трудности? А попробуй-ка приготовить три раза горячее за развезти в поле механизаторам. Те, что поближе, работают, еще сами приходят, а вот тем, что на дальних участках? Запятай в двуколку рыжую кобылу и поезжай в один конец, и ручка дастся хлестать ее без конца безразличным прутком.

Закрывает почти готов. Остаётся поджарить лук да суп немного подсолить.

Распахнулась дверь вагончика. Вошел комбайнер Григорий Бугатов. Высокий, широкоплечий, он чуть прищуренными глазами наблюдает за девушкой. А Пташка увлеченно хлопотет у костра: то веток подбросит, то суп на вкус попробует.

— Скоро и завтрак? — спросил Григорий. — Не пойму, Ирина, когда ты только спишь?

— Подумаешь, трудно приготовить суп. Вам в поле куда тяжелее.

— Нахнет вкусно. Ты прямо паролей в кулинарных делах, Ирина! Девушка вскинула маленькую голову и посмотрела на Григория, не в силах скрыть радости от неожиданной похвалы.

Быстро поставила перед ним миску лимонки шей, положила ложку, хлеб и, отойдя в сторону, стала следить за тем, как он ест.

Закончив завтрак, Григорий быстро поднялся и кивком поблагодарил девушку.

В душе Пташки — радость и гордое чувство: на свете есть человек, за которым она ухаживает, мысленно сохраняя от всяких бед, помогающая ему в труде...

Возвращались механизаторы с ночной смены — запыхавшие, уставшие. Сбрасывали с себя замасленные спецовки и шли умыться, а сразу после завтрака ложиться отдыхать.

Прошло каких-то полчаса, и в вагончике наступила тишина. Поднималось выше солнце, прижигало своими лучами пожоужу на рыжее, золотило ровную даль живнью.

Пташка села на грубо сколоченный стул, опустила голову на маленькую коричневую задонь и стала думать о Григории.

Ходит он неуклюже, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, словно раздумывая, куда ступить. Липо всегда хмурое, всегда нахмуренный. В Сибирь приехал откуда-то с Урала. Глаза у него синие, как колокольчики, внимательные. Когда он смотрит на что-нибудь, хочет, кажется, запомнить это на всю жизнь...

К ночи собрались серые тучи, принесли с собой мелкий и частый дождь. Пташка запрятав лопать в двуколку, поставила двухдверный термос с лимонкой, уложила постель и, подняв воротник грубого брезентового плаща, поехала. Темнело быстро, но она хорошо знала поля и скоро размалала комбайнеров и трактористов.

Самодельный комбайн, бросая снопы света, шел навстречу, путая желтым и упорным приближением. Огромная машина зрительно останавливалась, и в двуколке неторопливо пошел Григорий. Он помог девушке слезть и проводил ее к комбайну, где можно было укрыться от дождя.

— Могла бы и не ехать в такую погоду, — с укором протворил он.

— Простынешь...

На темноту вынырнули колпачники. Снизу брызгались куртки, они превратились на глазах Пташки в голеники, смешанные двенадцать. Тем временем Григорий снял термос, отнес его к комбайну, где сидели девушки, и стал командовать ужином.

Сейчас он был веселее и проворнее.

— Подем, Ирина, на Урал. Ухуй угодил! — шутил он.

— Далеко! — вздохнула она, наблюдая за комбайнером. — А красота кака! Горы, воздух — не надыхнешься...

На этом красноречие его иссякло, и он снова умолк.

Пташке захотелось придвинуться ближе к Григорию, поглядеть рукой его небритую щеку и услышать ласковое слово. И она ждалась

этого слова. Григорий отодвинул миску и, повернувшись к девушке, сказал:

— Спасибо тебе, Ира.

Если бы он назвал ее Пташкой, Ира никогда бы не стала сердиться на него, как на других ребят. У него же это слово должно прозвучать совсем по-другому: нежно, ласково. Но он никогда не произносил его. Вернулся Пташка в полночь. Распрягла лошадь, спустила ей передние ноги и устала пасть. Вошла в темный вагончик. Присев на край лавы, опустила, как вост свила от долгой тряски, одолевает дремота. Не она переборзела усталость, ветала и ступила с собой мокрый, забубенный плащ.

«Отчего меня к нему тянет? Такой же, как и все, даже больше любит, чем иные. А работать так хочется. На собрания во вторник поехали, что приспособление какое-то сматерила. Наверное, не так просто это сделать... Через неделю кончим уборку, все уедут в деревню. А Григорий на Урал. Горы... Горный воздух. А здесь разве воздух хуже? И медом и коноплей, и хлебом пахнет».

Вспомнила как живая в городе, замерзшая, как часовой гребак. Утром, к восьмью часам, она приехала на завод. Работа обещали была несложной, но требовала аккуратности.

По пути в комсомол Пташка пришла в колхоз. Ее назначили поваром в бригаду. Вначале обидно было, а потом привыкла. Просторы колхозных полей покорила девушку своими величием, красотой чутких нолей, частотой зыбких вересков. А тут Григорий своими синими глазами выглянул... И сердце потонуло к нему, ожило каждую минуту ответной песней. Так на ранней зареке певотка, забывшись в чашу ждет гонца друга.

Она понимала, что все труднее и труднее бороться со своими чувствами, скрывать их от посторонних людей...

Глаза слипаются, клонит ко сну. Девушка с трудом поднимает веки и вспоминает, что у нее не начинен картофель, а народу прибавилось, утром не успеешь. Давидать человек приехал из города зерно возить на машинах. Иван Терентьевич по-прежнему обещает помощника, а не дает.

Пташка подыалась, потернула холодной одеж кофточкой, плеснула в лицо и осталась мешком с картошкой из-под нар. И, кажется, нет усталости, только одно стремление: побыстрее закончить чистку картофеля, не проспать утром. Можно бы и бросить все да уйти в деревню, хоть Иван Терентьевич такой недобросовестный, — все у него людей не хвалят. Конечно, уйти нетушно, но ребят жалко: привыкли каждое утро горячее есть. Ну как-нибудь доработает, скоро конец уборки. Уедет Грisha...

Она гонит от себя мысль об этом.

В рабочих буднях время летит незаметно. Наступил день, когда последний гектар опетинился острой и упрямой стерней. Пташка в полдень выбежала на взгорье, с которого был виден далекий поселок. Влево от него тянулся галистый, обрывистый берег, внизу лежала река Унга. Ее не было видно, только легкое, раскисчатое паровое облачко лежало сверху тонким кружевом.

Пташка смотрела на запад. В том краю где-то тянулись бесконечные Уральские горы. Там горный воздух. И туда скоро уедет Григорий и забудет о своем обещании угостить ее ухой.

В синеве, выгоревшей, как сатин, с ровным гулом пролетел реактивный самолет. Девушка вскидывает голову ищет его взглядом, а на сердце по-прежнему неуютно, зыбло.

У вагончика проходил последний сборы перед отъездом в деревню. Сколько радости и веселья сегодня у каждого! Рада приходу и Пташка, но как будто чего-то не хватало.

ет. Будь она трактористом или комбайнером, тогда другое дело. По-прежнему с ней разговаривал бы и Григорий... И может быть... Нет, зачем мечтать о несбыточном. А как хочется быть любимой и еще такой, чу, без которой нельзя ему жить.

Их захотелось уйти поальше от вагончика, чтобы пробуть одной. Все уедут, а она напрямки пойдет пешком. Так лучше. Хоть никто не будет приставать к ней с вопросом, почему у нее «сплозное лицо»...

«Уехать мне отсюда разве, чтобы забыть разом обо всем?» — подумала она.

Еще раз окинув взором прихвостную степь и ровные ряды искрящейся золотом соломой, девушка побрела к вагончику. Комбайны ушли, она слышала их удаляющийся дружный рокот.

«Октябрь, а осень, как лето! Странно, неужели в деревне всегда так хорошо осень? А в городе, помнится, дожди в это время льются лилля».

Пташка идет медленно. На лицо падала паутинка, она рукой снимает ее — и видит вагончик, опетровший и одинокий.

Дверь открыта.

— Грisha?! — вырвалось у нее, и она оторопело остановилась. «Вот глупая, и навала-то попросту: Грisha».

А Григорий шагнул с крыльца вагончика и направился навстречу, взглянул в открытые, радостные и немного удивленные глаза.

— Я думал, ты ушла, — протворил он почти шепотом. — Все ухахали. Подем.

Пташка смотрела на чистое збирение и помолодевшее лицо Григория и улыбалась. Она видела, как дрожали у него губы, и с них тило сорвалось: «Пташка».

Серой ополоской тянулась вдали дорога, и казалась, не было ей конца. А они уходили по ней, далеко-далеко...

П. ШМАКОВ.
Красноярский район.

// Кузбасс, 1960, 17 января, с. 4.